

СОДЕРЖАНИЕ

АЙРОНКЕСТЛЬ.....	5
АЛГЛАВ	149
Чудесная страна пещер	151
Глубины Киамо	178
Сокровища снегов	195
ТАИНСТВЕННАЯ СИЛА.....	225
ГИБЕЛЬ ЗЕМЛИ	349
ТЕНЬ ФАРАОНА	421

АЙРОНКЕСТЪЛЪ

ПРОЛОГ

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА

Ревекка Шторм ожидала духов. Слегка прикасаясь к золотой вставочке, она держала карандаш наготове, не отрывая его от листа серовато-зеленой бумаги. Но духи не являлись.

— Я плохой медиум, — вздохнула она.

У Ревекки Шторм было лицо библейского дромадера и волосы, почти как его же песочного цвета шерсть. Глаза ее были мечтательны, но рот, вооруженный зубами гиены, способными раздробить кость до самого мозга, свидетельствовал о реалистическом противовесе.

— Или же я недостойна? Чем-нибудь провинилась? — Это опасение ее очень встревожило, но, услышав бой часов, женщина встала и направилась в столовую.

Там, у камина, стоял мужчина высокого роста, совершеннейшее олицетворение типа, созданного Гобино. Имея профиль, напоминающий киль корабля, волосы цвета овсяной соломы, серо-зеленоватые глаза скандинавского пирата, Гертон Айронкестль в свои 43 года сохранял цвет лица юной светловолосой прелестницы.

— Гертон, — спросила Ревекка скрипучим голосом, — что значит «эпифеномен»? Это, должно быть, что-нибудь кощунственное?

— Если это кощунство, то во всяком случае философическое, тетя Ревекка.

— А что это означает? — спросила молодая особа, доедавшая апельсин, в то время как официант подавал яйца с поджаренным салом и виргинскую ветчину.

Светлокудрые девы, когда-то вдохновлявшие скульпторов, создавших знаменитые статуи богинь, должно быть, выглядели так же. Гертон устремил взгляд на эти волосы цвета янтаря, меда и зрелого колоса пшеницы.

— Это означает, Мюриэль, что если б твоего сознания совсем не существовало... ты так же готовилась бы есть ветчину и точно так же обращалась бы ко мне с вопросом, как делаешь это сейчас... Вот только не сознавала бы, что ты ешь, как не отдавала бы себе отчета, что вопрошаешь меня. Иначе говоря, при «эпифеномене» сознание существует, но все происходит так, как если бы его вовсе не было...

— Но не философы же выдумали такую чушь? — воскликнула тетя Ревекка.

— Именно философы, тетушка.

— Тогда их нужно заключить в дом умалишенных.

Официант подал для тетки яичницу с копченым свиным салом, а для Гертона, не любившего яиц, жареное мясо и две небольшие сосиски. На сверкающей белизной скатерти были разбросаны, словно островки: чайник, горячие мягкие булочки, свежее масло...

Три собеседника вкушали пищу с религиозной сосредоточенностью. Гертон расправлялся с последним ломтиком жаркого, когда была подана корреспонденция, состоявшая из нескольких писем, телеграммы и газет. Тетка завладела двумя письмами и газетой под названием The Church, Гертон взял New York Times, Baltimor Mail, Washington Post и New York Herald. Но прежде он распечатал телеграмму и с легкой усмешкой, смысл которой трудно было понять, сказал:

— Нас вскоре навестят французские племянник и племянница.

— Они приводят меня в содрогание, — заметила тетка.

— Но Моника обворожительна! — заявила Мюриэль.

— Как оборотень, принявший вид молодой девушки, — возразила Ревекка. — Я не могу видеть ее, не испытывая какого-то порочного удовольствия. Это искушение.

— В ваших словах есть доля истины, тетушка, — согласился Айронкестль, — но поверьте, что если ум Моника легковесен, как пробковый поплавок, добрая доза свинца — лояльности и чести — держит его в равновесии.

Из конверта с маркой Гондокоро он извлек второй конверт, грязный, весь в пятнах, со следами присохших лапок и крыльев раздавленных насекомых.

— А это, — сказал он с чем-то вроде благоговения, — это от нашего друга Самуэля... Я вдыхаю запах пустыни, леса и болота.

Бережно распечатал он пакет; лицо его потемнело. В продолжение чтения, время от времени Гертон дышал тяжело, почти задышался.

— Вот, — наконец сказал он, — приключение, которое превосходит все то, что я считал возможным на этой гнусной планете.

— Гнусной? — возмутилась тетушка. — Как ты можешь говорить такое о Божьем творенье!

— Разве в Писании не сказано: «И пожалел Господь, что сотворил человека на земле, и опечалился Он в сердце своем?..»

Ревекка, слегка приподняв бесцветную бровь, занялась своим черным чаем. А охваченная любопытством Мюриэль спросила:

— Какое же приключение, отец?

— И будете вы, как Боги, знающие добро и зло! — лукаво поддразнил ее Айронкестль. — Но я знаю, Мюриэль, что ты сохранишь секрет, если я возьму с тебя слово. Обещаешь?

— Беру Бога в свидетели! — торжественно произнесла Мюриэль.

— А вы, тетя?

— Я не произношу Его имени всуе. Я говорю: да.

— Ваше слово ценнее всех жемчужин океана.

Гертон, привыкший сдерживать волнение, был возбужден более, чем выдавало его лицо.

— Вы знаете, что Самуэль Дарнлей отправился на поиски новых растений, в надежде пополнить свежими данными свою теорию круговых превращений. Объехав много страшных мест, он достиг земли, не исследованной не только европейцами, но ни одним живым существом. Именно оттуда он и прислал мне вот это письмо.

— Кто же его доставил? — строго спросила Ревекка.

— Негр, по всей вероятности, добравшийся до какого-нибудь британского форта. Неведомыми мне путями письмо дошло до Гондокоро, где сочли за благо, ввиду потрепанности конверта, вложить его в новый конверт.

Гертон погрузился в себя, глаза его казались запавшими и пустыми.

— Но что же видел Дарнлей? — допытывалась Мюриэль.

— Ах да, — очнулся Айронкестль. — Земля, которой он достиг, необычайно отличается своими растениями и животными от всех стран мира.

— Еще больше, чем Австралия?

— Гораздо больше! Австралия, в конце концов, только остаток древних веков. Страна же Самуэля в общем развитии так же шагнула вперед, как Европа или Азия, а может быть и больше. Но она пошла по другому пути. Следует предположить, что много веков, быть может, тысячелетий тому назад, катастрофы ограничили ее плодородные области, и они в настоящее время не превышают трети Ирландии. Они населены фантастическими млекопитающими и пресмыкающимися. Пресмыкающиеся эти с горячей кровью! Кроме того, есть высшее животное, похожее на человека по уму, но несколько ни по строению тела, ни по форме речи. Но еще необычайнее растения, невероятно сложные и положитель-но держащие в подчинении людей.

— Да это совершенное колдовство! — проворчала тетушка.

— Но как же растения могут держать в подчинении людей? — допытывалась Мюриэль. — Значит, Дарнлей утверждает, что они разумны?

— Он этого не говорит. Лишь ограничивается указанием, что они обладают таинственными способностями, не похожими ни на одну из наших умственных способностей. Но факт, что, так или иначе, они умеют защищаться и побеждать.

— Так они *передвигаются*?

— Нет. Они не перемещаются, но способны к быстрому временному подземному росту, что и является одним из способов их нападения и защиты.

Тетушка негодовала, Мюриэль была поражена, а Гертон охвачен сдержанным, как это свойственно янки, возбуждением.

— Или Самуэль сошел с ума, или же попал в область, где царствует Бегемот! — воскликнула тетка.

— Это я скоро увижу собственными глазами, — машинально ответил Айронкестль.

— Иисусе Христе! — всполошилась тетушка. — Не хочешь же ты сказать, что присоединишься к этому лунатику?

— Да, я это сделаю, тетушка, по крайней мере попытаюсь это сделать. Он ждет меня и несколько не сомневается в моем решении.

— Ты не оставишь свою дочь!

— Я поеду с отцом, — спокойно заявила Мюриэль. Во взоре Айронкестля промелькнула тревога.

— Но не в пустыню же?

— Если б я была твоим сыном, ты не ставил бы мне препятствий. А я разве не тренирована, как мужчина? Разве я не сопровождала тебя в Аризоне, на Скалистых горах и на Аляске? Я могу переносить усталость, лишения и перемену климата не хуже тебя.

— Но все-таки ты — девушка, Мюриэль.

— Это возражение устарело. Я знаю, что ты совершишь это путешествие, что ничто не может тебя остановить... Знаю также, что не хочу два года томиться в разлуке. Я еду с тобой.

— Мюриэль! — вздохнул он, растроганный и возмущенный одновременно.

Вошел слуга с карточкой на блестящем подносе. Гертон прочел: «Филипп де Маранж». Карандашом было прибавлено: «И Моника».

— Ну вот!.. — почти радостно воскликнул Гертон.

В гостиной были молодой человек и юная леди. В Севенских горах можно встретить таких мужчин, как Филипп Маранж, со скрытым пламенем в каждой черте лица, с глазами цвета скал. Роста он был почти такого же, как Айронкестль. Но все взоры притягивала Моника. Подобная юным колдуньям, появившимся при свете факелов и костров, она оправдывала тревогу Ревекки. Волосы, словно ночная тьма, без всякого блеска, представляли для тетюшки нечто дьявольское, еще больше, чем глаза, окаймленные длинными загнутыми ресницами, куда более темные оттого, что в них колыхались белки чистой белизны, словно у малого ребенка.

«Такой, должно быть, была Далила!» — говорила себе Ревекка, глядя на нее с испуганным восхищением.

Непреодолимые чары заставили ее сесть рядом с молодой девушкой, от которой исходил едва уловимый аромат амбры и ландыша.

Не задавая прямых вопросов, Гертон скоро вывел Маранжа на интересующую того тему.

— Мне необходимо, — признался тот, — найти какое-нибудь дело.

— Почему? — с присущим ему небрежным видом осведомился Гертон.

— Главным образом из-за Моника... Наш отец оставил нам наследство, обремененное слишком бесспорными долгами и весьма сомнительными дивидендами!

— Боюсь, милый юноша, что вы не слишком сильны в делах. Вам пришлось бы слепо довериться какому-нибудь специалисту и платить ему проценты с капитала. В Балтиморе я не вижу ничего подходящего. Быть может, мой племянник Сидней Гютри сможет что-нибудь сделать? Потому как лично я до смешного лишен способности к решению деловых вопросов.

— Это правда, что и у меня нет призвания к этому, но что ж поделаешь, если это необходимо! — вздохнул Филипп. Гертон залюбовался юной колдуньей, представлявшей такой разительный контраст с очаровательной Мюриэль.

— Вот, — пробормотал он, — неопровержимое возражение против систем, превозносящих высшую расу: пеласги ничуть не уступали элинам.

Маранж упивался близостью Мюриэль.

— Мне кажется, вы были хорошим стрелком? — сказал Гертон. — А война приучила вас выносить лишения. Так я могу предложить вам одно дельце: скажите, согласились бы вы подвергнуть себя испытаниям, какие выпали на долю Ливингстона, Стэнли или вашего Маршана?

— Можете ли вы сомневаться, что я грезил о такой жизни?

— От большей части наших грез мы отказались бы с отвращением, если б они стали осуществимы. Наивно теоретизируя, человек любит ставить себя в положения, противные его природе. Представьте себе неудобные, опасные места и страны, угрожающие, а то и людоедствующие племена или народности, непрерывные лишения, усталость и лихорадку... Согласится ли при таких условиях ваша мечта претвориться в действительность?

— А вы думаете, уютно было мерзнуть на трех, четырех, а то и пяти тысячах метров высоты, в летательной машине несовершенного устройства и к тому же жутко капризной? Я готов — с единственным условием, что это обещает приданое для Моники.

— Страна, куда я думаю отправиться, — так как экспедицию эту хочу снарядить я, — содержит, наряду с живыми сокровищами, которые вас не интересуют, также великое множество драгоценных минералов: золото, платину, серебро, изумруды, алмазы, топазы. При удаче вы можете разбогатеть. При неудаче ваши кости высушит пустыня. Подумайте...

— Колебаться было бы глупо, только... заслужу ли я богатство?

— В пустыне хорошее оружие неизбежно оказывает его обладателю неоценимые услуги... Мне нужны надежные люди моего круга, следовательно — товарищи. Я рассчитываю завербовать Сиднея Гютри, который теперь в Балтиморе и серьезно подумывает о подобного рода путешествии.

— Вы упомянули о живых сокровищах?

— Забудьте о них. Это вас не касается, и более того — не представляет никакого интереса.

Гертон опять погрузился в себя, о чем свидетельствовал его взгляд, ставший пустым.

Тетя Ревекка ядовито улыбалась.

Молодые девушки распространяли вокруг себя страшное и сладкое очарование, сумевшее извлечь человеческую любовь из животного отбора, и волосы Мюриэль смешивались в воображении Филиппа с таинственными странами, где он собирался вкусить первобытную жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ЖУТКАЯ НОЧЬ

Сумрак охватывал тысячелетний лес, и страх, накопленный в памяти бесчисленных поколений, заставлял трепетать травоядных. Прошло столько тысячелетий, а лес еще почти не знал человека. В своем необъяснимом, но неустанном упорстве он продолжал порождать те формы жизни, которые существовали еще до кромехов и пирамид. Деревья все еще продолжали царить на земле. На утренней и вечерней заре, днем и ночью, под красными солнечными лучами и в серебристом сиянии луны, непобедимые веками, преодолевая пространство, воздвигали они свое безмолвное царство.

В страшной чаще леса затрещали сучья. Какое-то волосатое существо, отделившись от баобаба, растянулось на земле, вцепившись в нее своими черными лапищами.

Оно напоминало то дикое, мрачное создание, которое когда-то высекло огонь, озарив вековечную тьму, но своим туловищем и челюстями весьма походило на льва.

После долгого оцепенения — сна, в котором пред ним проплывали смутные видения прошлого, о будущем же не грезилось совсем, раздался наконец его тихий, хриплый зов, на который прибежали четыре самки с такими же черными лицами, мускулистыми руками и загадочными желтыми глазами, горевшими во тьме. За ними, с веселой грацией, свойственной юным существам, следовали шесть детенышей.

И самец повел их на запад, туда, где в сплетениях ветвей умирало громадное красное солнце, уже не столь палящее, как днем.

Так гориллы дошли до просеки, проложенной огнем туч, среди которой еще торчали обгорелые древесные пни да кое-где оставались островки травы и папоротников. На другом конце просеки

из-за лиан торчали головы четырех чудовищ, созерцавших невиданное зрелище.

Огонь! Какие-то двуногие существа бросали в него ветви и сучья. По мере того как умирало солнце, ярчайшими цветами наливалось пламя. Бледное сначала, оно постепенно стало красноватым, затем багряно-красным, и во внезапной тьме его дыхание делалось все более грозным... На ливинный рев, упавший с силой метеора, самец-горилла ответил глухим ворчанием.

Львам огонь был неведом. Они никогда не видели, как он пожирает сухие травы и ветви. Им были знакомы только одни вспышки пламени — в докучную грозу. Но они инстинктивно страшлись палящего жара и трепетного колебания огня.

Но самцу-горилле огонь был знаком. Трижды он встречался с ним, когда тот трещал и со страшной быстротой распространялся в девственном лесу. Смутно в его памяти проносились образы смятения и бегства: тысячи бегущих лап, мириады крыльев. На его руках и груди остались рубцы от мучительных ран...

И охваченный смутными, отрывочными воспоминаниями, он остановился, и теснее придвинулись к нему самки. Львы же, влекомые любопытством, нерешительно, тяжелыми, и в то же время легкими стопами приближались к невиданному зрелищу.

Двуногие существа следили за приближающимися хищниками.

Пятнадцать человек, черных как гориллы, походивших на них мясистыми лицами, огромными челюстями и длинными руками, стояли в огненном кольце. Семеро белых мужчин и одна женщина имели с человекоподобными только одно сходство — в строе руки. Здесь же сгрудились верблюды, козы и ослы.

Как шквал налетал первобытный страх.

— Не стреляйте! — крикнул высокий белокурый мужчина статного сложения.

Рыканье льва прозвучало как голос далеких времен. Массивные туловища самцов, их гривы и громадные плечи — все обнаруживало страшную силу.

— Не стрелять! — повторил белокурый. — Нельзя ожидать, чтоб львы могли напасть на нас, а гориллы и подавно.

— Конечно, этого нельзя ожидать, — подтвердил один из мужчин, вооруженных карабинами. — Не думаю, чтоб они решились прыгнуть через костры, а все-таки...

Он был почти такого же роста, как белокурый, но отличался от него сложением, янтарными глазами, черным цветом волос и чем-то неуловимым, изобличающим в нем человека другой расы и иной культуры.

— Два десятка ружей и «максим»! — вмешался в разговор исполин с гранитными скулами, малахитовые глаза которого горели янтарем и поблескивали медью, когда на них падал отблеск огня. Волосы его были цвета львиной гривы. Звали его Сидней Гютри. Родом он был из Балтимора.

Оба льва-самца издавали согласное рычание, стоя пред костром, пламя которого падало прямо на их головы. Человекоподобные смотрели на двуногих существ и, быть может, считали их пленниками огня.

Один из чернокожих выставил пулемет Максима. Сидней Гютри снарядил разрывными пулями свое ружье, годившееся для охоты на слонов. Уверенный в своей меткости, Филипп де Маранж намечал своей целью ближайшего льва. Ни один из этих людей, в сущности, не испытывал страха, но все трепетали от волнения.

— Когда у нас водились еще альпийские медведи, а во Франции и Германии встречались волки, — задумчиво промолвил Маранж, — они были лишь слабым отражением эры мамонтов, носорогов и бурых медведей. Здесь же еще пятьдесят или сто тысяч лет тому назад можно было встретить львов и человекоподобных вроде вот этих, наряду с хрупкими человеческими существами, вооруженных дубинами и ограждающих себя жалкими кострами.

Приближение львов заставило горилл медленно отступить.

— Жалкими, ха! — возразил Айронкестль. — Они лучше нашего умели разводиться костры. Мне представляются грубые самцы, мускулистые и очень ловкие, заставляющие своими громадными кострами трепетать львов. Быть может, им приходилось переживать жуткие ночи, но наряду с ними и другие, величественные... Мой инстинкт заставляет меня предпочитать ту эпоху нашей.

— Почему? — спросил четвертый собеседник, англичанин, черты лица которого наводили на мысли о великом Шелли.

— Потому что они уже испытывали людские радости, но еще не знали дьявольского предвидения, омрачающего каждый наш день.

— Мое предвидение не причиняет мне страданий, — возразил Сидней. — Это палка, на которую я опираюсь, а не меч, зависший над моей головой.

Его слова были прерваны восклицанием Гертона, указывавшего им на молодого самца-гориллу, незаметно приблизившегося к львам. Он щипал траву вблизи папоротниковых зарослей. Один из львов, самец, сделал трехсаженный скачок и, достигнув жертвы, одним ударом лапы свалил ее на землю, в то время как старый самец-горилла и две его самки подбегали, испуская хриплый рев.

— О, спасем его, спасем его! — воскликнула молодая девушка, белокурая и рослая, одна из тех, которые составляют гордость англо-саксонской расы.

Маранж пожал плечами. Слишком поздно: самец-горилла шел в атаку. Борьба была короткая, но дикая и страшная. Черные руки давили желтую шею хищника, в то время как последний, вытянув морду, рвал зубами грудь гориллы.

Чудовищные звери раскачивались из стороны в сторону, слышалось их прерывистое дыхание, хрип, хруст мускулов. Когти хищника вырывали клочья мяса из брюха гориллы; горилла, не выпуская добычу, всаживала зубы в шею льва, возле шейной артерии.

— Великолепно! — воскликнул Гютри.

— Ужасно! — вздохнула молодая девушка. Загипнотизированные зрелищем, увлекаемые той же страстью, какая владела римлянами в цирке, Гертон, Филипп, Сидней и сэр Джордж Фарнгом не отрываясь смотрели на ужасающие кровавые раны и прыжки колоссов. Звери тоже оставались зрителями: три льва и четыре самки-гориллы, из которых одна прижимала к груди раненого детеныша.

Лев задышался. Зубы его разжались, и пасть широко раскрылась, когтистая лапа била наугад. Из прокушенной гориллой артерии текла на траву красная струя.

В последний раз когти впились в брюхо гориллы; вслед за тем тела зверей рухнули на землю, черные руки выпустили окровавленную глотку, оба колосса были недвижимы.

Охваченный яростью и страхом, Сидней Гютри выхватил из костра горящую ветвь и бросил ее в направлении львов. Негры завывали. Смутный страх охватил душу хищников, потрясенных гибелью вожака, они бежали с прогалины и исчезли в глубине леса.

Удивленный сам тем, что сделал, Гютри разразился смехом. Прочие оставались серьезными. Им казалось, что они только что были свидетелями борьбы не двух зверей, а льва с человеком. И словно эхо того, что шевелилось в глубине сознания, прозвучали слова Гертона:

— Почему бы нашим предкам не иметь силы этого человекоподобного?

В это время молодая девушка воскликнула:

— Горилла как будто шевелится!

— Посмотрим? — предложил сэр Джордж Фарнгем. Гютри оглядел свое ружье, годное для охоты на слонов.

— Идем!

— Не забудьте взять факелы! — спокойно прибавил Айронкестль. Они взяли факелы и вышли из кольца костров.

Самки человекоподобных стали отступать перед существами, вооруженными огнем, и остановились лишь у края просеки. Оттуда со смутной тоской обезьяны смотрели на распостертое тело самца. Оно было недвижимо. Голова лежала на брюхе льва, грива которого была вся в крови, а большие желтые глаза остекленели.

— Здесь больше нечего делать! — заметил Сидней. — Да и какая надобность в этом?

— Никакой, — ответил Маранж. — Но мне доставило бы удовольствие, если б он ожил.

— У меня такое чувство, точно это человек, — прошептала Мюриэль. Гертон вынул из кармана зеркальце и приложил его ко рту гориллы.

— А ведь наш парень все еще жив, — решил он, указывая на чуть запотевшее стекло. — Но как бы бедняга мог оправиться — ведь он потерял несколько пинт крови.

— А нельзя ли хотя бы попытаться? — робко спросила молодая девушка.

— Разумеется, Мюриэль. Это зверье невероятно живуче.

Три негра перенесли гориллу в огненное кольцо, и Айронкестль принялся дезинфицировать и перевязывать раны.

Самки тоже вернулись за ними, и в мерцании звезд раздавался какой-то необычайный вой, точно стон.

— Бедные создания! — промолвила Мюриэль.

— В памяти их все так смутно, и они быстро забудут, — сказал Маранж. — Прошлое так мало значит для них!

Айронкестль продолжал осматривать раны.

— Не исключена возможность, что он оправится, — заключил он, дивясь громадному торсу человекоподобного. — Это животное по меньшей мере дальний родич наших прапрадедов.

— Дальний родич! Я не верю, чтоб наши предки были обезьянами или человекоподобными.

Айронкестль продолжал перевязывать раны. Грудь гориллы слабо трепетала, но она оставалась в бессознательном состоянии.

— Если есть для него какие-либо шансы возвратиться к жизни среди деревьев, то только при нашем постоянном уходе. Если же покинуть его...

— Мы не покинем его! — воскликнула Мюриэль.

— Нет, милая, мы не покинем его, если только этого не требует наша безопасность. Но все-таки это — обуза.

Его прервал короткий, глухой вскрик. Старший из негров, человек с кожей цвета грязи, указывал рукой на север просеки. Рука его дрожала.

— В чем дело, Курам? — спросил Гютри.

— Коренастые! — простонал негр.

Просека казалась пустынной. Вой зверей доносился издали с разных сторон.

— Ничего не вижу! — сказал Маранж, смотря в зрительную трубу.

— Вон там Коренастые, — твердил старый африканец.

— Нам следует бояться?

— Это люди, рожденные беспощадным лесом, хитрые и неловимые!

— Вон они! — воскликнул сэр Джордж.

Он только что заметил двуногий силуэт среди папоротников, но тот уже скрылся из виду, и за освещенным пространством можно было разглядеть лишь черный лес да серебрищееся звездами небо.

— Бедняги, должно быть, еле вооружены, — сказал, пожимая плечами, Гютри.

— У них есть отравленные стрелы, каменные топоры, копья! Их много, они искусно расставляют ловушки и пожирают... — старый негр не решался продолжать.